

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОМ НОВАТОРСТВЕ А.П. ЧЕХОВА

Статья посвящена анализу механизма возникновения окказиональной семантики и специфики функционирования семантических окказионализмов, определению их места в ранних рассказах А.П. Чехова.

Творчество А.П. Чехова составляет одну из ярких и своеобразных страниц в истории русской литературы. С лингвистической точки зрения интересно выявление «того стилистического ядра, той системы средств выражения, которая неизменно присутствует в произведениях этого автора хотя бы в пределах отдельного периода его творчества» [1]. Особенностью стиля А.П. Чехова как языковой личности является активное использование новообразований разных типов как в художественном творчестве, так и в эпистолярном жанре.

Лексические новообразования А.П. Чехова были объектом специального описания лингвистов, а также привлекались как иллюстративный материал в связи с рассмотрением проблем индивидуального словообразования XIX века, для доказательства принадлежности эпистолярного жанра к разговорной речи. Семантические окказионализмы анализировались только в эпистолярном наследии писателя [2].

Столь активное внимание к лексическим новообразованиям автора объясняется тем, что они демонстрируют степень продуктивности тех или иных словообразовательных типов и резервы словообразовательной системы русского языка, доказывают возможность прогнозирования ее будущего развития.

По мнению Е.А. Жигаревой, в ранних письмах Чехова (как и в ранних произведениях) преобладают лексические новообразования, тогда как эпистолярному наследию зрелого писателя свойственны семантические окказионализмы [3]. На наш взгляд, отличительной чертой раннего художественного творчества писателя является несколько иное соотношение лексических и семантических новообразований, нежели в «эпистолярной». Так, окказиональная семантика ориентирована на контекст. Произведения малых жанров насыщены темами, образами, которые требуют лексического воплощения, то есть рассказы и являются тем творческим контекстом, в котором реализуется окказиональная семантика. Кроме того, среди семантических новообразований, функционирующих в письмах, самую многочисленную группу пред-

ставляют окказионализмы, характеризующие литературный процесс и произведения писателя (ЛИТЕРАТУРНЫЙ ХЛАМ, ВИНЕГРЕТ, НЕГРАЦИОЗНЫЙ РАССКАЗ, ВЫСОХНУТЬ, ШЛЕПНУТЬСЯ и др.). Менее многочисленны новообразования, характеризующие лица (ГВОЗДИК – о Лейкине, ШТАНЫ, ИНФУЗОРИЯ – о брате, ЭСКИМОСЫ – о людях, не понимающих друг друга), действия или состояния (ЖЕВАТЬ – долго и нудно наставлять, поучать кого-либо, СКРИПЕТЬ – ворчать, ПРИГВОЗДИТЬСЯ – пристроиться к делу и др.), необычные свойства кого- или чего-либо (ШИПУЧИЕ МЫСЛИ, ВИРТУОЗНАЯ НЕИСКРЕННОСТЬ, ПОРТЬЕРНЫЕ ЛЮДИ, БАКАЛЕЙНЫЕ РУКИ, ХОЛЕРНОЕ ОДИНОЧЕСТВО). В рассказах же, по нашим наблюдениям, предпочтение отдается характеристике лиц, предметов, их свойств, качеств, признаков, что обусловлено особыми творческими задачами: минимумом слов передать максимум информации. Таким образом, рамками определенного жанра обусловлено формирование творческих задач, достижение которых определяет выбор языковых средств (узусальное – окказиональное, лексические новообразования – семантические новообразования), а также специфику семантических трансформаций. Письма были для А.П. Чехова своеобразной лабораторией, «где проходили обработку и отстаивались художественно-изобразительные средства, впоследствии используемые писателем в художественных произведениях» [4]. Причем, как уже было сказано, письма раннего периода демонстрируют интерес автора к словообразовательным инновациям (СПАСИБИЩЕ, ФИЗИОМОРДИЯ, РЫЛИНДРОНЫ, ХАРИТОНЫ и др.), что является доказательством его особого отношения к языку, к языковой системе. Письма позднего периода отражают авторское представление о мире (что воплощается в особом отношении к смыслу), формирование которого уходит корнями в раннее художественное творчество. То есть ранние рассказы дают возможность проследить некоторые этапы работы писателя над смыслом, над семан-

тикой новообразований, являющихся одним из средств репрезентации индивидуально-авторской картины мира.

Цель данной статьи – выявление механизма формирования окказионального значения и специфики функционирования семантических окказионализмов в ранних рассказах А.П. Чехова.

Объектом описания являются семантические окказионализмы¹ (более 60), извлеченные методом сплошной выборки из 60 произведений А.П. Чехова периода с 1880 по 1882 г., среди которых можно выделить две группы: окказиональные слова и окказиональные сочетания слов (как разновидность семантических окказионализмов). Выборка проводилась из текстов Полного собрания сочинений и писем в 30 томах (1974–1984) [5].

Опыт исследования семантических окказионализмов позволяет выделить несколько принципов образования окказионального значения, которые в той или иной мере характерны и для творческого контекста А.П. Чехова:

– окказиональное значение в своей основе имеет узуальное, которое обогащается за счет актуализации одной или нескольких сем;

– окказиональное значение содержит не все элементы узуального, а включает элементы экстралингвистического характера;

– окказиональное значение не соотносится с узуальным значением, т. е. полностью вытесняет его;

– окказиональное значение противопоставлено узуальному, т. е. они антонимичны.

В рассказе «Клевета» встречается слово ПОЛОНЕЗ: «– Ба! Звук горячего поцелуя... Ты с кем это здесь целуешься, Марфуша!.. А-а-а... очень приятно! С Сергей Капитонычем! Хорош дед, нечего сказать! С женским полонезом тет-а-тет!»

Узуальное значение существительного ПОЛОНЕЗ – «польский танец – шествие, а также музыка в ритме этого танца» [6]. Из контекста видно, что окказиональное значение данного слова (с представительницами женского пола) не соотносится со словарным значением.

Иначе обстоит дело с существительным СКИПИДАР, функционирующим в рассказе «Суд»: «– Неправильно вы рассуждаете, Серапион Косьмич, – говорит дьячок. – Ваше дело

почтенное, умственное, потому вы служите в губернском городе, стрижете и бреете людей умственных, благородных. Даже генералы, и те не чуждаются вашего ремесла.

– Про генералов, ежели угодно, я и сам могу вам объяснить.

Фельдшер Иванов слегка выпивши.

– По нашему медицинскому рассуждению, – говорит он, – ты скипидар и больше ничего.

– Мы вашу медицину понимаем... Кто, позвольте вас спросить, в прошлом году пьяного плотника, вместо мертвого тела, чуть не вскрыл? Не проснись он, так вы бы ему живот распорили. А кто касторку вместе с конопляным маслом мешает?

– В медицине без этого нельзя.

– А кто Маланью на тот свет отправил? Вы дали ей слабительного, а потом крепительного, а потом опять слабительного, она и не выдержала. Вам не людей лечить, а, извините, собак».

Существительное СКИПИДАР, зафиксированное в словарях со значением «бесцветная или желтоватая жидкость с едким запахом, добываемая перегонкой смолы хвойных деревьев; терпентинное масло (используется в медицине, лакокрасочном производстве и т. д.)», имеет основную сему 'неприятный, едкий'. Переносное значение оно получает в тексте А.П. Чехова. Семантика окказионализма формируется на основной узуальной семе. В контексте выделяется ряд актуализаторов значения, по которым можно определить, к какой области функционирования относится интересующее слово: «фельдшер», «по медицинскому рассуждению», «в медицине», «касторка», «лечить» и др. Отсюда же следует, что герой рассказа – фельдшер. Именно поэтому в его речи свободно используется и слово СКИПИДАР, широко применяемое в медицине как лечебное средство². При этом фельдшер «горд» своей причастностью к медицине: не случайно автор вводит в одну из его реплик словосочетание «по нашему медицинскому рассуждению», выражая тем самым ироническое отношение к персонажу.

Анализ семантических окказионализмов затрудняется тем, что у А.П. Чехова практически нет черновиков. Единственный источник, помогающий проследить поиск писателем нуж-

¹ Под семантическими окказионализмами мы понимаем слова, существующие в языке, но получившие в тексте окказиональные значения, реализуемые через малопродуктивные или окказиональные семантические модели, а также семантические трансформации на уровне словосочетаний.

² Существует и вторая причина использования медицинского термина. А.П. Чехов постоянно подчеркивал, что он врач, и гордился медицинскими знаниями больше, чем литературным талантом. Он неоднократно обращался к медицинской тематике в своих произведениях, раскрывал свои эстетические вкусы через сравнения с выдающимися деятелями русской медицины.

ного слова, – варианты текстов. Об этом свидетельствует вариант журнала «Зритель» [5], в котором используется латинизм *assa foetida* (лазерпиций, или сильфий, лекарственное растение с дурным запахом): «...говорит Иванов, – ты *assa foetida* и больше ничего». В данном случае вновь развивается сема ‘неприятный, едкий’. Показательно, что область функционирования слова – медицинская терминология. Если же сравнивать степень «знакомости» этих терминов, то становится понятно, почему А.П. Чехов произвел замену латинизма на широко распространенное существительное СКИПИДАР, семантика которого известна широкому кругу читателей.

Таким образом, окказиональное значение существительного СКИПИДАР, при формировании которого происходит актуализация периферийных компонентов прямого значения, можно сформулировать как «едкий, неприятный, раздражающий, язвительный человек».

В новообразованиях, возникающих на синтаксическом уровне, окказиональное значение реализуется за счет нетрадиционного соединения слов: ЛИЦО ПРОКИСЛО, ВИЗЖАТЬ НОЖНИЦАМИ, ВЗВИЗГИВАНИЕ БОЛЬНОГО КОЛОКОЛЬЧИКА и др.

Самую многочисленную группу составляют сочетания «существительное + прилагательное»: ВИНТООБРАЗНЫЕ НОГИ, ДУХОВНЫЕ ВАНДАЛЫ, КОКЕТЛИВЫЙ ВЕТЕРОК, НЕДОБРОСОВЕСТНЫЕ ГЛАЗА, ХРОМАЯ ЛЮСТРА, БЛЕДНАЯ ЛИЧНОСТЬ, НЕУМЫТЫЙ СТОЛИК, СТИХИ ЛОМОНОСОВСКОГО ПОШИБА, ФИОЛЕТОВЫЙ ГИППОПОТАМ, ЯДОВИТЫЙ ЛЕБЕДЬ и др.

Появление окказиональных сочетаний слов обусловлено творческой необходимостью выявить что-то новое в предмете или явлении, подчеркнуть малозаметную, но яркую деталь, оттенить какое-либо качество в сравнении.

Окказиональность словосочетания НЕДОБРОСОВЕСТНЫЕ ГЛАЗА, функционирующего в рассказе «Два скандала», подтверждается данными «Словаря эпитетов» [7], в котором приведено 478 эпитетов к существительному «глаза», из которых 29 редких: африканские, блескучие, вешие, водочные, дремучие, дряхлые, зимние, золотушные, иглистые, каменные, камышовые, купоросные, лешачьи, мохнатые, оледенелые, пемзовые и др. Эпитет НЕДОБРОСОВЕСТНЫЕ отсутствует и среди общего перечня эпитетов, и среди редких. Контекст объяс-

няет, почему, несмотря на наличие почти 500 эпитетов, отражающих физическое состояние глаз, характер взгляда, выражение чувства, состояния, характер человека, А.П. Чехов ищет и находит свой. Обратимся к контексту: «– Это из рук вон! Эта девчонка готова сегодня зарезать меня своим козлиным голосом! Вы не примадонна, а прачка! Возьмите у рыжей ноты!»

Она рада бы петь хорошо, не фальшивить... Она и умела не фальшивить, была мастером своего дела. Но разве виновата она была, что ее глаза не повиновались ей? Они, эти красивые, но недобросовестные глаза, которые она будет проклинать до самой смерти, они, вместо того, чтобы глядеть в ноты и следить за движениями его палочки, смотрели в волосы и в глаза дирижера... ее глазам нравились всклокоченные волосы и дирижерские глаза, из которых сыпались на нее искры и в которые страшно было смотреть. Бедная девочка без памяти любила лицо, по которому бегали тучи и молнии».

Словари дают следующее толкование слова НЕДОБРОСОВЕСТНЫЙ: «нечестно или нерадиво выполняющий свои обязанности, обязательства». Однако для данного контекста употребления такое толкование было бы слишком прямолинейным.

Писатель не сразу свой выбор остановил на этом слове, тем не менее искал он именно этот эпитет. Так, в варианте журнала «Мирской толк» [5] вместо сочетания НЕДОБРОСОВЕСТНЫЕ ГЛАЗА находим словосочетание ПОДЛЫЕ ГЛАЗА. Чем же вызван отказ писателя от этого сочетания? Обратимся к анализу компонентов, входящих в его состав. ПОДЛЫЙ – значит «низкий в нравственном отношении, бесчестный». В слове присутствует эмоционально-оценочный компонент значения ‘о низком’ (ср.: подлый поступок), что естественно ограничивает сферу употребления прилагательного.

Из контекста следует, что подобной оценки ни героине, ни ее поведению писатель давать не намерен. Это подтверждается словами, при помощи которых выражается его отношение к ней, а также словами, создающими этот образ: «восемнадцатилетняя девочка», «дрожала как струна», «ее маленькое лицо», «бедная девочка» и т. п. А.П. Чехов пишет: «Но разве виновата она была, что ее глаза не повиновались ей? ...Бедная девочка без памяти любила лицо, по которому бегали тучи и молнии. Разве виновата она была, что ее маленький ум, вместо того, чтобы утонуть в репетиции, думал о посторон-

них вещах, которые мешают дело делать, жить, быть покойной... Этот дерзкий был ее первою любовью!» Таким образом, А.П. Чехов подчеркивает, что она могла быть мастером своего дела, могла не фальшивить, критически относиться к себе и происходящему, но глаза не повиновались ей, т. е. НЕДОБРОСОВЕСТНЫЕ ГЛАЗА – это «глаза, мешающие добросовестно и честно выполнять свои обязанности из-за испытываемого чувства любви».

В рассказе «Месь» функционирует семантический окказионализм СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ КИСЛЯТИНА: «Комик стукнул кулаком по столу и, негодующий, опустился на деревянную скамью. Не поток, а океан ядовитых, отчаянных, бешеных слов полился из его рта, окруженного давно уже не бритым пространством. Пусть посочувствует ему хоть кассир! Девчонка, сентиментальная кислятина, не уважила просьбы того, без которого рухнул бы этот дрянной сарай! Не сделать одолжения (не говоря уж, оказать услугу) первому комику, которого десять лет тому назад приглашали в столичный театр! Возмутительно!»

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ в словарях трактуется как «легко приходящий в умиление, способный быстро расчувствоваться; излишне чувствительный; чувствительно-разнеженный, растроганный», а в качестве синонимов к нему выступают слова «чувствительный», «слезливый», «душщипательный», «сердщипательный» и др. На это неоднократно указывается в тексте самого рассказа: «Глазки ее покраснели, замигали и заискрились, как стеклянные бусы, вынесенные на солнце...», «...комик увидел блестящие точки: то окно отражалось в слезинках...», «за вспыхиванием последовала истерика...», «...плечи ingénue прыгали, из гру-

ди ее вылетали отрывистые стоны, пальцы корчились и рвали на груди фланелевую кофточку...».

Единодушны составители словарей и в отношении слова КИСЛЯТИНА: «о вялом, скучном, нудном и унылом человеке».

Необходимо отметить, что существительное КИСЛЯТИНА лежит в основе целого ряда новообразований А.П. Чехова (как лексических, так и семантических), функционирующих в письмах: КИСЛЯТИНКА, КИСЛОТЫ (о произведениях), КИСЛЯТИНЫ (соответствует множественному числу узуального слова РАЗМАЗНЯ), КИСЛЯЕВ (псевдоним), КИСЛОТА (подпись), КИСЛЯЙСТВО (апатия, духовная бездеятельность).

Учитывая значения слов, входящих в состав словосочетания, экстралингвистические сведения, а также все приращения, связанные с влиянием контекста на смысл этих слов, окказиональное значение словосочетания СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ КИСЛЯТИНА можно сформулировать как «скучный, нудный человек, раздражающий излишней чувствительностью, эмоциональностью, слезливостью».

Таким образом, для индивидуального стиля А.П. Чехова характерна не только актуализация предметно-логического, но и трансформация коннотативного содержания слова.

Исследуемый материал показал, что именно семантические окказионализмы преобладают не только в письмах А.П. Чехова, но и в его ранних рассказах. Помня о том, с какой тщательностью отбирал писатель каждое слово, следует заметить, что особую роль в лаконичности языка мастера детали сыграли именно окказиональные сочетания слов, употребление которых можно рассматривать как стилистический прием.

Список использованной литературы:

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963. С. 80.
2. См.: Востокова Н.С. Характер и средства языковой экспрессии в письмах Чехова // Очерки по русскому языку. – Киров, 1965, вып. 2. С. 26 – 46; Горбачевич К.С. Синонимичные прилагательные в произведениях А.П. Чехова.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1963; Жигарева Е.А. Авторские новообразования и их функции в текстах А.П. Чехова.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1983; Салех Хашем Мустафа. Сложные прилагательные в языке произведений А.П. Чехова и способы их передачи на арабский язык.: Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1972; Чедия В.В. О сатирико-юмористической направленности словосложения в художественной речи А.П. Чехова // Тр. Тбил. гос. ун-та, Тбилиси, 1959, т. 83. С. 275 – 282; Чуковский К.И. О Чехове. – М., 1967 и др.
3. Жигарева Е.А. Окказионализмы А.П. Чехова // Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения. – Л., 1986. С. 26 – 32.
4. Жигарева Е.А. Указ. соч. С. 22.
5. Тексты рассказов цитируются по изданию: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. – М., 1974 – 1984.
6. Здесь и далее значения слов даются по словарям: Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1989; Словарь русского языка: В 4-х т. – М., 1957 – 1958.
7. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. – Л., 1978.